

Книги Павла Корнева
в серии
**ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК**

**ПОВЯЗАННЫЙ КРОВЬЮ
МЕЖСЕЗОНЬЕ
ПОСЛЕДНИЙ ГОРОД
ПЯТНО
ПУТЬ КЕЙНА**

**ДИВИЗИОННЫЙ КОМИССАР
БЕЗ ГНЕВА И ПРИСТРАСТЯ**

Цикл «ПРИГРАНИЧЬЕ»

**ЛЕД
СКОЛЬЗКИЙ
ЧЕРНЫЕ СНЫ
ЧЕРНЫЙ ПОЛДЕНЬ
ЛЕДЯНАЯ ЦИТАДЕЛЬ
ТАМ, ГДЕ ТЕПЛО
ЛЕД. ЧИСТИЛЬЩИК
ЛЕД. КУСОЧЕК ЮГА**

В соавторстве
с Андреем Крузом

**ХМЕЛЬ И КЛОНДАЙК
ХОЛОД, ПИВО, ДРОВОБИК
ВЕДЬМЫ, КАРТА, КАРАБИН
КОРОТКОЕ ЛЕТО**

Цикл «ЭКЗОРЦИСТ»

**ПРОКЛЯТЫЙ МЕТАЛЛ
ЖНЕЦ
МОР
ОСКВЕРНИТЕЛЬ**

Цикл «СИЯТЕЛЬНЫЙ»

**СИЯТЕЛЬНЫЙ
БЕССЕРДЕЧНЫЙ
ПАДШИЙ
СПЯЩИЙ
БЕЗЛИКИЙ**

Цикл «ДОРОГА МЕРТВЕЦА»

**МЕРТВЫЙ ВОР
ЦАРСТВО МЕРТВЫХ
СВИТА МЕРТВЕЦА**

Цикл «НЕБЕСНЫЙ ЭФИР»

**РЕНЕГАТ
РИТУАЛИСТ
(в двух томах)
РЕВЕНАНТ
РУТИНЕР**

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

ПАВЕЛ КОРНЕВ

РУТИНЕР

РОМАН

Москва, 2020
ЭАРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
К67

Серия основана в 1992 году
Выпуск 1227

Художник
М. Поповский

Корнев П. Н.

К67 Рутинер: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2020. — 314 с.: ил. — (Фантастический боевик).

ISBN 978-5-9922-3123-6

Небесный эфир пронизывает все сущее, но даже ему не под силу вытравить мрак из души, если того не пожелает сам человек. И оттого люди лгут, убивают и зывают к проклятым князьям запределья в надежде обрести могущество и реализовать свои потаенные желания.

Магистру-расследующему Филиппу Олеандру вон Черену не впервые выявлять чернокнижников из числа ученого люда, да только нынешнее дело несравнимо сложнее, нежели всё, с чем ему приходилось сталкиваться до сих пор. Слишком могущественные силы вступили в противостояние — и речь отнюдь не о тайных обществах и ложах...

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Корнев П. Н., 2020
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2020

ISBN 978-5-9922-3123-6

Часть первая ВСЕ ДОРОГИ ВЕДУТ В...

ГЛАВА 1

Сеньор вон Аухмейн отошел в мир иной в ночь накануне возвращения маркизы цу Лидорф в Риер. На закате того дня наша потрепанная компания инвалидов остановилась на постой в Аффенхайме, тогда-то я на пару с Микаэлем и покинул гостиницу под предлогом пройтись по городу и поискать приличного вина. Коллеги лишних вопросов задавать не стали, а Уве и Марте и вовсе было не до нас: школяр только-только начал отходить после магического перенапряжения, ведьма до предела вымоталась, обихаживая раненых.

К Риеру мы подъехали в глубоких сумерках и в старые кварталы пробрались через лаз, обнаруженный людьми Блондина, — тот самый, коим пользовались школяры-солнцепоклонники. Коней пришлось оставить на заброшенном складе в надежде, что туда никто не сунется впотьмах, благо о недавнем ритуальном убийстве была наслышана вся округа. Дальше отправились пешком и оказались у резиденции рода цу Лидорф уже глубокой ночью; на улицах царил кромешный мрак, лишь местами его разгоняли висевшие на стенах фонари.

Адалинда снабдила нас и ключами, и оберегом от магической защиты, да еще подробнейшим образом объяснила, как обойти ночных сторожей, поэтому проникнуть в дом не составило никакого труда. Пока я стоял на карауле, Микаэль скользнул в спальню, и в особняке стало самую малость тише. Не знаю, какой из своих многочисленных талантов задействовал маэстро Салазар, но супруг Адалинды даже не захрипел, просто перестал дышать.

Внезапная смерть во сне — такое иной раз случается даже с абсолютно здоровыми людьми. Пусть не помучился напоследок, зато к нам не приведет ни единого следа. Из осторожности сеньора Белладонна даже сбывла за полцены случайным тор-

говцам лошадей с предварительно сведенными клеймами и оружие рейтаров. Вырученные деньги она распределила между своими людьми, не забыв и о семьях погибших. Мы тоже не остались обделенными: Марте достался конь рыжего проидохи, а для Уве я требовал его шпагу и кавалерийский пистоль с колесцовым замком.

И даже так Микаэль всю дорогу ворчал по поводу моей излишней расточительности.

— Из-за баб скоро по миру пойдем! — негромко бухтел он. — Одной осла купили, другая и вовсе на шею приноровилась взгромоздиться и ножки свесить!

— Марте надо было за нами пешком бежать? — не выдержав, поинтересовался я. — Или это мне бежать надо было?

— Да я не об этом! — фыркнул маэстро Салазар. — От доли в трофеях зачем отказался, скажи на милость? Как только такое в голову пришло? Это же святое!

— Не мелочись, — примирительно попросил я. — Трофеи трофеям рознь.

Микаэль только головой покачал:

— Не узнаю тебя, Филипп. Бывает, человек резко меняется после того, как по голове крепенько получает, но с тобой-то что не так? Не слишком ведь сильно по башке и приложило!

Я непроизвольно потянулся ощупать левую скулу, но сразу отдернул руку. Опухоль уже спала, а тончайшие порезы, оставленные осколками теней, затянулись и стали почти неразличимы. В глаза они теперь бросались только на ярком солнце, да еще когда лицо краснело из-за физических нагрузок.

— Не пошли бы те деньги впрок! — отрезал я, начиная злиться.

Маэстро Салазар фыркнул и выдал:

Кормиться с клинка — честней дела нет,
Ласкает слух звон взятых с боя монет,
Убил, обобрал — а хоть бы и так?
Ты пережил этот день, сдох не ты, а твой враг!

— Bravo! — похлопал я в ладоши. — Ландскнехты по достоинству оценят твой стихотворный талант. Но лучше сочини балладу о какой-нибудь бесстыжей пышногрудой красотке!

— Пышногрудая красотка заграбастала наши денежки! И заметь — без малейшего стыда!

— Брось, Микаэль, — покачал я головой. — От нас не убудет. Еще в выигрыше останемся, вот увидишь!

Так оно в итоге и вышло. Начать хотя бы с того, что Адалинда распорядилась выделить нам комнаты в собственной резиденции, не став отсылать в гостиницу. Впрочем, Микаэль и тут не упустил возможности поворчать.

— Не иначе извести надумала, — объявил он, заявившись в нашу с Мартой комнату.

— Да кому ты сдался! — фыркнула девчонка, которая и понятия не имела о причинах скоропостижной смерти хозяина дома.

— Концы в воду, — многозначительно заметил маэстро Салазар.

— Не бери в голову! — отмахнулся я. — Во всем Риере не наберется столько яда, чтобы у тебя хотя бы живот разболелся.

Микаэль хохотнул и спросил:

— Не странно разве, что мы здесь остановились?

— Было бы странно, обдели Адалинда гостеприимством столичного ревизора, присланного для проверки ее действий вице-канцлером, — покачал я головой.

— Возможно, оно и так. А возможно, и нет, — с сомнением произнес бретер и отправился восвояси.

Марта прикрыла за ним дверь, уселась на краешек широченной кровати и сказала:

— Станный он какой-то.

— Только сейчас заметила? — усмехнулся я, подумал-подумал и на всякий случай задвинул засов.

Следующую седмицу Адалинде было откровенно не до нас, ее вниманием целиком и полностью завладели заботы по организации похорон почившего в бозе супруга и размещению в городе съехавшейся со всей провинции родни, да и служебной рутины за время отсутствия накопилось изрядно. Я события не торопил, решив перевести дух сам и дать отдых остальным, благо всегда мог сослаться на необходимость проведения более тщательной проверки деятельности Риерского отделения и его главы.

Микаэль от рассвета до заката пропадал в винном погребе и, вполне вероятно, даже там ночевал; в любом случае его было не видно и не слышно. Марта первые дни отсыпалась, а потом ее взяли в оборот служанки, парикмахер и портной маркизы. Вскоре нескладный юнец Мартин пропал окончательно и бесповоротно, тогда пришел черед учителя этикета, танцмейсте-

ра, преподавателей арифметики, грамматики, чистописания и классического североимперского.

Меня происходящие с ведьмой метаморфозы всецело устраивали, чего нельзя было сказать о состоянии Уве. И беспокоили даже не столько недуги и ущербность эфирного тела школяра, сколько его душевные терзания. С одной стороны, паренек добился поставленной перед собой цели, заполучив постоянное место во Вселенской комиссии по этике, с другой — оказался поставлен перед фактом, что достичь высот тайного искусства сумеет лишь исключительно в теоретической плоскости без всякой надежды использовать полученные знания на практике. Как сказали бы мои многомудрые коллеги, имел место классический случай экзистенциальной пустоты, а следом могла пожаловать и затяжная депрессия.

Именно по этой самой причине, как только разрешил личный медик маркизы, я безжалостно согнал Уве с кровати, пусть тот и беспрестанно кашлял, а в отхаркиваемой им мокроте нет-нет да и снова появлялись сгустки крови.

— Держи! — ссыпал я в ладонь слуги полпригоршни серебряных монет.

— Зачем это? — удивился школяр.

— В ратуше просмотришь записи о девочках, родившихся пятнадцать — двадцать лет назад, оставшихся сиротами во младенчестве и отданных на воспитание дальней родне или в монастыри за пределами Риера. Обрати внимание на моровые поветрия и пожары, когда гибли целые семьи. Хорошо бы найти Марту.

Уве недоуменно захлопал ресницами:

— Нашу Марту?

Я испустил горестный вздох:

— Любую Марту, Уве! Любую!

— Но зачем, магистр?!

— Я не оставляю надежд пристроить ее в университет, а для этого неплохо будет обзавестись бумагами о рождении, да и подорожная ей вовсе не помешает.

Уве насупился:

— Собираетесь подделать документы? А почему просто не оформить все официально?

Я покачал головой, поскольку не хотел оставлять никому ни малейшего шанса связать девчонку с разыскиваемой в Регенмаре ведьмой. Марта должна стать уроженкой Риера, ни-

когда не покидавшей пределы империи, а никак не возникшей из ниоткуда бродяжкой сомнительной репутации.

— Так проще! — отмахнулся я. — Иди! Что не потратишь, оставь себе.

Уве задумчиво взвесил в руке монеты, кивнул и отправился выполнять распоряжение, враз позабыв обо всех неудобных вопросах. Оно и немудрено: врученных мною двух талеров на подкуп клерков хватало с изрядным запасом. Да что там с запасом! Если подойти к делу с умом, чиновники ратуши удовлетворятся и четвертью этой суммы.

После я немного поколебался, но все же решил навестить Микаэля и проверить, как проходит его добровольное затворничество, а заодно оценить винный погреб маркизы. Отчет о ревизии был уже закончен и даже переписан начисто, оставалось лишь согласовать его с Адалиндой и выслать в Ренмель. Да нам и самим стоило как можно скорее выдвигаться в столицу. И без того задержались в Риере сверх всякой меры. Еще не хватало, чтобы канцлер счел эту задержку неуважением или того хуже — признанием вины.

Кривясь от этих мыслей, как от зубной боли, я спустился на первый этаж и столкнулся там с Мартой, которая вознамерилась юркнуть на лестницу, но заметила меня и в нерешительности замерла на месте.

— Далеко собралась? — поинтересовался я.

— Тише, Филипп! — прошипела девчонка, приложив палец к губам.

— Удрала от учителей?

— Они меня с ума сведут!

Я подступил к ведьме и наставительно произнес:

— Это все в твоих собственных интересах!

— Знаю, — понурилась та. — Знаю, Филипп! Только за седмицу из деревенской ведьмы не сделать благородной дамы!

— Но можно заложить фундамент.

— А еще можно свихнуться и кого-нибудь убить! — огрызнулась Марта. — Я больше так не могу!

Я покачал головой, взял девчонку под руку и повел за собой.

— Один час. Потом вернешься к занятиям.

— Спасибо, Филипп! — Девчонка поцеловала меня в щеку и поспешила следом. — Как тебе платье? Красивое, правда? Мне сказали, это цвет морской волны!

— Замечательное платье.

— А ты когда-нибудь видел море, Филипп?

— Один раз.

— Оно действительно такого цвета?

Я неопределенно пожал плечами. В день, когда я видел море, у него был цвет горящих кораблей и разбухших утопленников, дыма и огня. Императорские войска вошли в Баргу, объединенный флот Лонского союза и Остриха жег рвавшихся из гавани еретиков, и вспоминать о тех красках совершенно не хотелось.

— Филипп?

— Платье лучше, — сказал я, открывая дверь винного погреба.

Марта замешкалась на верхней ступени, и я легонько подтолкнул девчонку в спину, заставляя спуститься к едва разгонявшему темень подземелья огоньку лампы. Ведьма осмотрела ряды бочонков, заставленные бутылками полки, свисавшие из-под потолка колбасы и окорока, потом кисло глянула на восседавшего за столом Микаэля и страдальчески вздохнула.

— Через час я сама отсюда с радостью убегу, — укорила меня девчонка.

— Убежишь-убежишь! — подтвердил маэстро Салазар, перед которым стояло полдюжины откупоренных бутылок. Вскрывать бочонки он посчитал излишним, а из еды ограничился мясной нарезкой и краюхой белого хлеба.

Я смахнул пыль с деревянного табурета и передвинул его Марте, девчонка осторожно присела на краешек, словно не желала помять или испачкать пришедшееся по душе платье, и с сомнением посмотрела на бутылки. Микаэль порылся в каком-то шкафу, выставил на стол еще две кружки и расплылся в счастливой улыбке.

— Ну-с... С чего начнем дегустацию?

— С чего-нибудь не слишком крепкого, — попросил я. — Надеюсь, сегодня все же смогу переговорить с маркизой.

— Не торопись с этим, мне здесь нравится, — заявил бретер, разливая по кружкам вино. — Нет, серьезно, Филипп! Ты был прав! Целиком и полностью, как прежде не бывал прав еще никогда!

— Я всегда прав. В чем конкретно я оказался прав на этот раз?

— Доля в трофеях — это сушая безделица по сравнению со всем этим великолепием! — рассмеялся Микаэль, обведя рукой подвал. — Тут можно жить! Милость небесная, да я тут и живу! Могу запереться и вообще никуда отсюда не выходить! Здесь мне до конца жизни вина хватит!

— Пьянь, — фыркнула Марта.

Микаэль глянул на девчонку с таким видом, словно собирался отвесить затрещину, но вино настроило его на благостный лад.

— Язычок свой раздвоенный прикуси, — лишь потребовал он и в несколько глотков ополовинил кружку.

— Ты что несешь? — возмутилась Марта. — Я не...

— Все вы, бабы, змеи! — отрезал маэстро Салазар, прищелкнул пальцами и выдал:

Гадюка кусает и впрыскивает яд.

Красотка травит душу, один лишь бросив взгляд!

Ведьма допила вино, поднялась с табурета и сказала:

— Пожалуй, пойду.

— Иди-иди! — рассмеялся Микаэль.

Я уселся на освободившееся место и передвинул бретеру опустевшую кружку.

— Чего ты так на нее напустился?

Маэстро Салазар неопределенно повертел в воздухе пальцами, затем махнул рукой.

— Да ладно тебе, Филипп! Давай выпьем!

И мы выпили, но я особо на вино не налегал и потому, когда в подвал сбежал растрепанный Уве, еще сохранял достаточную, пусть при этом и весьма относительную, трезвость мысли.

— Проблемы? — поинтересовался я у школяра, когда тот облокотился на стол в попытке перевести сбившееся дыхание.

— Не совсем, — невнятно ответил Уве и закашлялся, принялся отхаркивать мокроту.

Микаэль покачал головой и наполнил третью кружку. Школяр вытер губы замызганным носовым платком, хлебнул вина и с шумом перевел дух.

— Так что случилось? — потребовал я объяснений. — Не пустили в архив?

— Пустили, и Марту я нашел, даже не одну, — успокоил меня слуга и протянул мятый листок с тремя написанными в столбец именами. — Но там такое, магистр... Такое!

— Какое — такое? — вздохнул я. — Ты отдышись, не части. Излагай с чувством, толком, расстановкой...

Уве сделал еще один глоток и лишь после этого начал рассказывать о столь взволновавших его событиях.

— Из ратуши я пошел в таверну «Под свиной», думал встретить Эберта, если они еще не покинули город, — сообщил

нам школяр. — А там — толпа! Не в таверне, у нашего отделения. Все злые как черти, за ворота пытаются прорваться, а их стражники не пускают. Заезд перегородили и палками самых резвых охаживают!

— Дела-дела! — присвистнул маэстро Салазар.

— Из-за чего сыр-бор? — спросил я. — Уве, ты ведь послушал, о чем люди толкуют?

Школяр смущенно покрутил головой:

— Ну, они ругались в основном, магистр. И были очень злы на школяров. Я не рискнул приставать с расспросами...

— Наверное, оно и к лучшему, — решил я после недолгих колебаний.

Маэстро Салазар хмыкнул и многозначительно произнес:

— А маркиза об этом ни словом не обмолвилась. — Он покрутил ус и добавил: — Странно-странно. Подозрительно!

— Она и не должна перед нами отчитываться, — заметил я и поднялся с табурета. — Давай-ка прогуляемся.

Микаэль кивнул:

— А давай!

— Мне с вами? — с надеждой уточнил Уве.

— Иди микстуры пей, — распорядился я.

— Да я...

— Бегом! — рыкнул на школяра маэстро Салазар и хлопнул в ладоши. — Давай-давай!

Уве отошел к двери, развернулся и неуверенно попросил:

— Жезл верните.

— Еще чего удумал! — фыркнул бретер.

— Но...

— Проваливай!

Микаэль метнул в школяра грязное полотенце, и тот спешно юркнул за дверь. Я покачал головой:

— Не слишком ты с ним круто? Это его жезл.

— И его жизнь, — кивнул маэстро Салазар. — Все так. Но нравится он мне, пусть поживет еще.

— Не сгущай краски, — поморщился я.

Микаэль порывисто поднялся и раскинул руки.

— Посмотри на меня! — потребовал он. — Оцени мое эфирное тело!

Я рукой махнул:

— Брось!

— Нет, ты посмотри! — начал горячиться бретер и с силой врезал кулаком по раскрытой ладони. — Оно всмятку! Я пере-

горел! Мне уже при всем желании не выправить эфирное тело. И черт бы с ним, проживу как-нибудь, но я не просто лишился способностей и убиваю тех, кого пытаюсь лечить, на меня и самого теперь целительная магия не действует. — Он указал на лоб. — Видишь какой рубец остался? А у тебя за полдня порезы затянулись!

— Мы сейчас об Уве говорим, не о тебе и не обо мне.

— У пацана едва залечено проткнутое легкое! И залечено оно, заметь, магией. Если он в том же темпе продолжит гробить свое эфирное тело, то не доживет и до осени. Рана просто откроется, а там у него еще и легочная артерия повреждена ко всему прочему.

Маэстро Салазар понимал в целительстве куда больше моего, так что я оспаривать его мнение не стал и лишь спросил:

— Ничего нельзя сделать?

Бретер пожал плечами, налил в кружку вина, выпил.

— Самоконтроль, — произнес он после этого. — Полностью отказываться от тайного искусства нельзя, но надо знать меру. Меру-меру. Понимаешь?

— Да чего тут не понять? — хмыкнул я и предупредил: — Встретимся на конюшне. — А сам поднялся в комнату, прихватил трофейный пистоль, отыскал Уве и погнал того обратно в подвал.

— Зачем мы здесь? — удивился школяр.

— Будешь держать оборону до нашего возвращения в город, — объявил я с непроницаемым выражением лица.

У слуги дернулся глаз.

— Вы серьезно, магистр?

Я выставил у дальней стены крышку бочонка, вернулся к слуге и вручил мешок с трофейным кавалерийским пистолем, принадлежностями для чистки и пороховницами. Школяр разложил все это богатство на столе и не удержался от восхищенного цоканья языком.

— Это мне?

— Владей!

От удивленной улыбки школяра не осталось и следа.

— Намекаете, на магию мне больше полагаться не стоит?

— Твоя жизнь, — пожал я плечами и выложил на стол выправленный сеньорой Белладонной патент на огнестрельное оружие. — Если еще не проникся осознанием того простого факта, что колдуны умирают точно так же, как простецы, мне

до тебя уже не достучаться. Нужен козырной туз в рукаве или нет — решай сам.

Уве нахмурился было, но не удержался и принялся с интересом вертеть оружие в руках.

Ну еще бы! Собственный пистоль — это же мечта любого мальчишки, пусть даже он десять раз маг.

Я в двух словах объяснил, как управляться с оружием, контролировал процесс зарядания и указал на крышку бочонка:

— Целься!

Паренек вытянул руку, я отступил на шаг назад и зажал уши ладонями. Грохнул и заметался под сводчатым потолком хлопок выстрела, затянуло все сизое марево порохового дыма. Когда оно рассеялось, стало видно, что пуля лишь слегка зацепила край крышки в ее правом верхнем квадранте.

Оценив результат, я дал Уве пару советов, похлопал на прощанье по плечу и оставил упражняться в стрельбе. Самому дышать пороховой гарью несколько не хотелось, да и Микаэль уже заждался, опять ворчать будет...

В Риер пришло лето. Не слишком жаркое, скорее — удушающе теплое. Северные ветра утихли, флюгеры на крышах неподвижно замерли, флаги и вымпелы обвисли, на небе не виделось ни облачка. Микаэль ограничился жакетом, да еще не стал застегивать на все пуговицы сорочку; я надел камзол, а вместо шпаги сунул за оружейный ремень один из пистолей и прихватил с собой волшебную палочку. Едва ли приор здешней миссии ордена Герхарда-чудотворца отменил награду за мою голову, приходилось быть настороже.

Резиденцию рода цу Лидорф мы покинули через вход для слуг и сразу направили лошадей в ближайший переулок, покрутились немного по округе, дабы убедиться в отсутствии слежки, и лишь после этого поскакали к Риерскому отделению Вселенской комиссии по этике. Неладное заподозрили уже в университетской округе, где оказалось непривычно много стражников, а педели все до единого вооружились крепкими палками. Когда же прямо у нас на глазах словесная перепалка обернулась дракой между компанией горожан и школярами, стражи порядка отреагировали на удивление быстро и жестко, не делая никаких поблажек ни одной из сторон, хоть обычно и старались в столкновениях с представителями ученого сословия особо не лютовать.

Ангелы небесные! Да что тут стряслось?

— Служебный перстень снял? — уточнил Микаэль.

— Даже не надевал, — ответил я и направил коня на одну из узеньких улочек, решив сделать небольшой крюк и объехать главное здание университета. Мне категорически не понравились пристальные взгляды стражников, да и школяры глядели ничуть не добрее, и меньше всего хотелось очутиться меж двух огней.

— Ты что-нибудь понимаешь, Филипп? — спросил меня маэстро Салазар, когда университетская округа осталась позади. — Простецы и школяры, конечно, друг друга на дух не переносят, но драки среди бела дня обычно не затевают. Понимаю, если праздник или гуляния! Когда подопьешь, кулаки сами чесаться начинают...

— Думаю, кто-то кого-то убил, — решил я. — Остается узнать, кто и кого...

Уве не обманул и ничего не напутал, отделение Вселенской комиссии и в самом деле оказалось взято в самую натуральную осаду. Ближайшие к особняку улицы заполонили взбудораженные горожане, у многих в руках были палки, поперек дорог стояли телеги. Но через ограду никто перебраться не пытался, да и вплотную к воротам бюргеры приближаться не решались. Опасались лезть на рожон даже цеховые подмастерья, коих в толпе было едва ли не большинство, и неспроста: у приоткрытых створок выстроились не наемные охранники и даже не увальни из городской стражи, а ландскнехты в цветах маркграфа Мейнарда. Провоцировать тяжелую пехоту никто из черни не рисковал, и все ограничивалось словесными оскорблениями и пронзительным свистом; гвалт стоял такой, что закладывало уши.

Мы не стали соваться в толпу, немного покрутились по округе, и я отправил Микаэля разведать обстановку в одно из питейных заведений, а сам остался караулить лошадей. Четверть часа спустя бретер вышел на улицу, как-то странно глянул на меня и со значением произнес:

— Не зря мне папенька наказывал с шулерами в карты не играть...

— Да говори уже! — досадливо поморщился я.

— Говорю-говорю, — фыркнул Микаэль, забираясь в седло. — Слух пошел, будто девиц похищали и убивали школяры-солнцепоклонники, вот горожане и взбеленились.

— Даже так? — хмыкнул я. — Красиво!

— Не знаю, не знаю, — покачал головой маэстро Салазар. — Как по мне — перебор.

Я кивнул. Слухи об ужасающих преступлениях сектантов наилучшим образом отвлекали внимание от служанки Адалинды, вот только ситуация могла в любой момент выйти из-под контроля. Если толпа решится на штурм отделения Вселенской комиссии, крови прольется столько, что сеньора Белладонна вылетит в отставку быстрее пробки из бутылки игристого вина.

Микаэль, впрочем, моих опасений не разделил.

— Сегодня толпе бросят кость, — сообщил он. — Та парочка, которую задержали мы с тобой, пошла в отказ, их будут судить. А вот дурачок, хлебнувший отравы, окончательно рехнулся и только и делает, что твердит о величии солнца. Его виновность признана очевидной, казнь состоится этим вечером. Так говорят.

Я потер переносицу.

— Подожди, а чего тогда бузят подмастерья?

— Простая арифметика, Филипп, — рассмеялся бретер. — Арестантов трое, казнят только одного. Люди недовольны и подозревают, что Вселенская комиссия выгораживает своих. Вроде кто-то из коллег не от большого ума заикнулся об их непричастности к убийствам девиц.

— Ситуация... — протянул я и взглянул на небо.

Солнце начинало понемногу клониться к закату, и было совершенно непонятно, почему казнь назначили на столь поздний час. Хотя, если разобраться, вполне логично сжечь солнцепоклонника именно после заката, дабы лишить смерть язычника символичности и убрать малейший намек на жертвенность.

— Что будем делать? — спросил Микаэль.

— Костер запалят на Червонной площади? — предположил я.

— Бери выше! — рассмеялся маэстро Салазар. — Эшафот сколотили перед кафедральным собором! — Он задумчиво pokrutil ус. — Желаете почтить своим присутствием казнь?

— Желая. Только надо как-то убить время.

Микаэль кивнул и выдал двустиишие:

Клинок, вино и женщина — священная триада.

Чего еще желать мне? Мне большего не надо!

Я усмехнулся:

— Обойдемся сегодня без женщин.

— А вина вдосталь и в подвалах маркизы, — добавил бретер и прищелкнул пальцами. — Слушай, Филипп! Блондин показал мне один чудесный оружейный магазинчик. Туда как в музей ходить можно!

— Поехали!

Микаэль оказался совершенно прав — ассортимент лавки и в самом деле вызывал завистливое уважение, перемежаемое откровенным восхищением. Помимо разных образчиков клинкового оружия, там были представлены и арбалеты с мушкетами, и даже пистолы. Вот у завешенной ими стены я и застрял, поскольку моя выдавшая виды пара смотрелась на фоне всего этого великолепия откровенно бледно. Впрочем, даже мысли не возникло обновить свой арсенал, и дело было отнюдь не в заоблачных расценках. Просто сроднился я в некотором роде со своими пистолями, чего уж там.

Приказчик наметанным взглядом определил в нас двух скупающих зевак, а посему просто ходил по пятам словно тень, не утруждая себя расхваливанием образчиков представленного в магазине оружия. Вместе с тем и слишком уж назойливо он за спиной не сопел, поскольку все тот же опыт подсказывал, что выгоду может принести и наше бесцельное блуждание по залу. Земля слухами полнится, а мало ли кому мы расскажем об этом замечательном заведении?

Удивительное дело, но без покупок все же не обошлось. Некоторое время спустя я заметил дамский набор из двух заколок для волос в половину локтя длиной, складного перочинного ножика с рукоятью из апельсинового дерева и миниатюрного кинжалчика. Все эти безделушки были выкованы из мозаичной стали серебристо-синих тонов, отдаленно напоминавших цвет льдистых глаз Марты, а трехгранные заколки с резными янтарными головками больше походили на стилеты, нежели на аксессуары модниц. Впрочем, придворные красотки — те еще ядовитые гадюки.

— Мерсанская сталь, — в один миг оказался рядом приказчик. — Работа рольдских мастеров. Здесь и клейма имеются...

— Нет, Филипп! — рассмеялся Микаэль. — Не выбрасывай деньги на ветер!

— Не станет же она ходить на занятия с разделочным ножом, — сказал я, имея в виду Марту.

— Магу ножи ни к чему.

— Ты сам слышал, что сказал? Ножи нужны всем.

Приказчик незамедлительно кивнул:

— Истинно так. Ваша правда, сеньор.

— Сколько?

— Десять талеров.

Я презрительно фыркнул:

— Сбросьте половину — и по рукам.

— Немыслимо! Набор попросту уникален!

Микаэль провел пальцем по краю деревянного ящичка и продемонстрировал приказчику пыль.

— Уникальные вещи продать непросто, а пять талеров — это пять талеров. Пользуйтесь случаем, любезный. Пользуйтесь-пользуйтесь.

В итоге за набор пришлось выложить семь полновесных монет, но я нисколько по этому поводу не переживал. Не последние отдал, в конце-то концов.

— Балуешь ты ее, — заметил маэстро Салазар, когда мы вышли на улицу. — Балуешь-балуешь.

— Брось! — отмахнулся я. — В пирамиде без девчонки нам пришлось бы лихо, разве нет? Уве шпагу и пистоль получил, Марте ножи подарю. Такой красотой и человека зарезать приятно.

Бретер только хрюкнул и никак мое высказывание комментировать не стал, но, как видно, шутку оценил, поскольку больше эту тему не затрагивал.

— Подкаблучник, — лишь пробормотал он негромко, когда мы тронулись в путь.

К нашему возвращению людей у отделения Вселенской комиссии заметно прибавилось, горожане заполнили все соседние улочки, и настроены они теперь были куда серьезней, нежели еще час назад. На смену беспорядочным крикам и свисту пришло слаженное скандирование, к палкам добавились факелы. Собравшиеся все как один требовали покарать арестантов здесь и сейчас, в противном случае угрожая сжечь их прямо в обиталище моих коллег, но пока что от слов к делу перейти никто не решался.

— Ты смотри! — указал вдруг Микаэль куда-то в толпу. — Вон тот лысоватый живчик в кожаном жилете! Смотри!

Я пригляделся и очень быстро заметил мужичка, который явственным образом подзуживал соседей, хлопками ладоней задавал ритм и без промедления разевал пасть, когда выкрики начинали сходиться на нет.

— Возьмем в оборот? — предложил маэстро Салазар, не слишком, впрочем, уверенно. — Он же не задарма глотку дерет, кто-то заплатил.

— Опасно, — засомневался я. — Если что-то пойдет не так, нас на куски порвут.

— Порвут-порвут, — согласился Микаэль и без промедления выдал на эту тему рифмованное высказывание:

Толпы простецов страшнее нет.

Пойдешь поперек — сломают хребет!

— Давай-ка лучше попробуем его коллег высмотреть, — решил я. — Он ведь точно тут не один такой...

Но понаблюдать за провокатором не вышло; почти сразу с соседней улочки выдвинулся отряд стражи, и загородившиеся щитами крепкие парни принялись раздвигать толпу и выдавливать ее с мостовой. Нас оттеснили в какой-то переулок, и некоторое время ничего не происходило, а затем горожане взревели с такой силой, что едва не заложило уши:

— Убийца! Язычник! Смерть! Смерть! Смерть!

Стражники кое-как сдерживали бюргеров, давая проехать процессии с отрядом тяжелой кавалерии во главе. За верховыми катила карета с символикой Вселенской комиссии на дверцах, дальше в окружении пехотинцев ехала телега с железной клеткой, в которой скорчился школяр. Следом подпрыгивала на неровной брусчатке еще одна карета, а замыкал шествие отряд вооруженных до зубов ландскнехтов.

В солнцепоклонника летели камни и нечистоты, что-то отскакивало от прутьев решетки, что-то попадало внутрь. Самые рьяные горожане пытались ткнуть школяра палками, но мало кому удавалось проскочить мимо алебардчиков, а брошенный в телегу факел погас в воздухе, словно его опустили в ведро с водой. Помимо ландскнехтов, оберегали арестанта и колдуны.

Когда процессия миновала наш переулок, толпа бурлящим потоком повалила следом. Смолкли крики, улица опустела, но поглазеть на казнь ушли отнюдь не все. Памятуя о двух оставшихся в особняке Вселенской комиссии школярах, часть горожан взялась караулить ворота. Надо ли говорить, что примеченный нами лысый живчик вертелся там в компании столь же подозрительных персон?

— Это неспроста, — заметил маэстро Салазар.

— И не говори, — кивнул я и махнул рукой. — Ладно, едем!

Сам не знаю, зачем мы поехали к ратуше. Наверное, просто хотелось оценить, как все пройдет. С учетом некоторых уже бросившихся в глаза странностей во время экзекуции могли случиться весьма прелюбопытные эксцессы, но кто бы ни занимался организацией казни, он предусмотрел решительно все. Эшафот окружало тройное кольцо стражи и сколоченных из бруса загородок; ничуть не менее серьезная охрана отсекала разгоряченную толпу от ступеней ратуши. Полагаю, дело не обошлось и без шпиков, а в окрестных переулках наверняка дежурили на случай возможных беспорядков отряды ландскнехтов. И потому беспорядков не случилось.

Лошадей пришлось оставить за три квартала на заднем дворе попавшейся по пути таверны. Местный вышибала за небольшое вспоможение взялся приглядеть за ними, и мы со спокойной душой выдвинулись к площади, расталкивая стекавшихся туда зевак. Столпотворение на окрестных улочках царило жутчайшее, и к тому времени, когда подобрались к месту казни, школяра уже ослепили и оскопили, переломали железным прутом руки и ноги. Язычник попытался выкрикнуть что-то вроде «солнце за нас!», но мигом лишился языка, а затем дюжие парни споро прикрутили его веревками к столбу и начали обкладывать этот кусок мяса вязанками хвороста.

На балконе ратуши вольготно расположился маркграф с присными, там же сидели епископ и маркиза цу Лидорф, компанию которой составлял Мориц Прантл.

— Рыбак далеко пойдет! — крикнул мне в ухо маэстро Салазар.

Я потянул его за собой, пробрался через толпу к оцеплению и продемонстрировал капралу стражников служебный перстень. Тот кивнул и дал команду пропустить нас на ступени ратуши, где отдельно от черни расположились наиболее родовитые аристократы, преуспевающие купцы, гильдейские старшины, цеховые мастера, нотариусы и некоторые представители ученого сословия, в том числе и мои коллеги.

— Ренегат! — тут же послышалось откуда-то со стороны, и к нам протолкался Франсуа де Риш. — Какими судьбами? Я думал, ты уже на полпути в Ренмель!

Все последние дни я свое присутствие в Риере не афишировал и резиденцию маркизы цу Лидорф не покидал, так что лишь пожал плечами и сказал:

— Пришлось задержаться.

— Это очень хорошо, просто очень хорошо! — обрадовался Блондин. — Желаете досмотреть экзекуцию до конца?

— Есть предложение получше? — спросил я.

В этот момент вспыхнул хворост и пламя разогнало сумрак, а толпа взревела так, что едва не лопнули барабанные перепонки, но Франсуа все понял верно, ухватил меня под руку и потащил к оцепленному ландскнехтами переулку, по которому должны были расходиться после казни лучшие люди Риера.

Стоило только покинуть площадь, и Микаэль сразу встрепенулся:

— А вот здесь, помнится мне, недурственный кабачок!

— Веди! — разрешил Блондин, и мы спустились в подвал, где скучал в ожидании посетителей хозяин. На многих столах стояли кружки, где-то лежали тарелки с объедками. Как видно, и клиенты, и прислуга убежали глазеть на сожжение язычника.

— Уже спалили мерзавца? — оживился при нашем появлении кабатчик.

— Догорает.

— Эх, эдакое невезение! Все пропустил! — расстроено покачал головой мужик, но мы ему сочувствовать не стали.

Мог бы и запереть на время заведение, а побоялся выручку потерять, так нечего теперь сокрушаться.

Франсуа сунул маэстро Салазару серебряную монету в пять крейцеров и попросил:

— Будь добр, возьми вина на свой вкус.

Микаэль отошел, а мы с Блондином расположились за одним из столов подальше от входа. Магистр-исполняющий достал расческу и начал приводить в порядок растрепавшуюся гриву соломенного цвета, потом спросил:

— Где пропал?

— То тут, то там, — пожал я плечами. — Никак не мог согласовать с Адалиндой отчет. Сам понимаешь, ей было не до того.

— Ну да, ну да, — покивал Филипп и уточнил: — Надолго удержишься в Риере?

Я с интересом взглянул на Блондина и сказал:

— Думал закончить дела сегодня. А что?

— Получен приказ вывезти школяров в Ренмель, — предельно понизив голос, сообщил Франсуа де Риш.

— На кой? — не сдержал удивления маэстро Салазар, который уже выставил на стол кружки и разливал по ним из кувшина красное вино.

Магистр лишь руками развел:

— Не ко мне вопрос. Приказ идет с самого верха.

Я отпил вина и осторожно заметил:

— Выполнить его будет непросто.

— Ты мне это говоришь?! — фыркнул Блондин и приложился к своей кружке, враз ее ополовинив. — Планировалось сделать это втихую, но горожане слишком хорошо организованы. Кто-то их направляет, дело нечисто.

Мы рассказали о замеченном в толпе провокаторе, и Франсуа тяжело вздохнул.

— Взять бы эту сволоту за жабры, — мечтательно произнес он, но сразу опомнился и махнул рукой. — Забудьте! Это мои заботы, придумаю что-нибудь. В любом случае послезавтра мы выдвигаемся в Ренмель.

— Не завтра? К чему терять целый день?

— Рыбак хочет дать утихнуть страстям. Ландскнехты помогут вывезти школяров из отделения, но они прикроют нас только до границ старых кварталов.

Я задумчиво хмыкнул и спросил:

— Мы можем чем-то помочь?

— Еще спрашиваешь! — усмехнулся Франсуа. — У нас каждый человек на счету!

Микаэль переглянулся со мной и уточнил:

— Значит, послезавтра?

— Да, на рассвете. Если решите присоединиться, в отделение лучше приехать с вечера.

— Постараюсь быть, — пообещал я, поскольку нам в любом случае давно пора было выдвигаться в Ренмель, а путешествовать с коллегами и проще, и безопасней. Да и помощь в такого рода предприятии мне точно зачтется.

На улице послышались возбужденные голоса, и в подвал начали спускаться раскрасневшиеся горожане, в трактире вмиг стало тесно, душно и очень громко. Мы допили вино и разошлись.

ГЛАВА 2

Сеньора Белладонна объявилась уже за полночь. По случаю казни маркграф Мейнард устроил для своего ближнего круга прием, и уж не знаю, обсуждались ли там серьезные дела, но без возлияний точно не обошлось. Глаза Адалинды блестели,

а тонкий аромат духов не мог перебить запаха вина. Впрочем, от разговора со мной маркиза уклоняться не стала и пригласила в рабочий кабинет, разве что велела Микаэлю принести из погреба, как она выразилась, что-нибудь приличное на его собственное усмотрение.

Маэстро Салазар выразительно посмотрел на буфет, фыркнул и покинул комнату. Когда за ним закрылась дверь, Адалинда под легкий шорох траурного черного платья опустилась в кресло, указала мне на соседнее и спросила:

— Твой отчет, Филипп, он уже готов?

Я кивнул в сторону рабочего стола маркизы, та улыбнулась:

— Очень хорошо, подпишу его утром. Магистр Прантл покидает Риер послезавтра, думаю, тебе имеет смысл уехать вместе с ним. Не подумай, будто выгоняю, но так будет лучше... для всех.

— Ну разумеется, — усмехнулся я и спросил напрямую: — Это ты распустила слухи, будто девиц похищали школяры-солнцепоклонники?

Адалинда одарила долгим, пронзительным и совершенно трезвым взглядом.

— Нет, — наконец ответила она и, не дав вставить ни слова, добавила: — Но я не предприняла всех должных мер, дабы эти слухи пресечь. Причины, думаю, объяснять не нужно?

Я покачал головой, не испытав особых сомнений в искренности собеседницы. Пусть сами по себе слухи были маркизе и выгодны, но столь радикальное обострение ситуации в итоге не могло не ударить и по ней.

— Кто-то подстрекает горожан к беспорядкам, — заметил я.

— Простецам кинули кость, они уймутся. Казней больше не будет.

— Чья идея вывезти школяров в Ренмель? Рыбака?

— Ничего-то ты не знаешь, Филипп, — устало вздохнула сеньора Белладонна. — Приказ идет с самого верха. Чокнутого язычника списали со счетов, но, если его подельники не придут в столицу в целости и сохранности, полетят головы. Проклятье! Нам даже допросить их не позволили!

— С чего бы? — поразился я, поскольку подобного рода судебные процессы всегда проводились на местах.

Адалинда поморщилась:

— Солнцепоклонники зашевелились по всей империи. Жертвы во славу солнца приносили в Клиане, Стожбене, Легенбурге, Острихе, Миене и Бранене, но пока лишь в Риере и

Ренмеле дело дошло до арестов. В столице тоже нашкодили школяры, только следствие почему-то ведем не мы.

— А кто тогда? Кабинет бдительности?

— Насколько знаю — нет. Но кто именно — не имею ни малейшего представления.

— Занятно, — хмыкнул я, перестал вышагивать по кабинету и наконец опустился в кресло. — Могу попросить тебя об услуге?

— Излагай, — разрешила сеньора Белладонна.

Я протянул маркизе полученный от Уве листок и пояснил:

— Есть возможность получить документы на одно из этих имен?

Адалинда внимательно изучила записи и позволила себе понимающую улыбку.

— Марта! — озвучила она фигурировавшее там во всех строчках имя. — Какие у тебя планы на эту девчонку?

— Кальворт, — односложно ответил я.

— Достоинно, — одобрила сеньора Белладонна мое намерение устроить Марту в один из наиболее известных и престижных университетов империи. — Я посмотрю, что можно сделать. Думаю, выправить нужные бумаги не составит никакого труда.

— Очень меня обяжешь.

— Брось, Филипп! Для чего еще нужны друзья?

Без стука распахнулась дверь, Микаэль прошествовал к столу и выставил на него оплетенную соломой глиняную бутылку, после отошел к буфету за бокалами и штопором. Пока он срезал сургуч, извлекал пробку и разливал вино, мы не произнесли ни слова, а затем я взял инициативу в свои руки и провозгласил тост:

— За друзей! — отпил и вновь обратился к Адалинде: — К слову, о друзьях! Как тебе новое приобретение?

Сеньора Белладонна пригубила вина и задумчиво посмотрела на меня поверх бокала.

— Ну и задал ты мне задачку, Филипп! — покачала она головой и смежила веки, то ли собираясь с мыслями, то ли смакуя напиток. — Уве Толен, бакалавр тайных искусств. Такого не назначить экспертом, но и в практическом плане он мало на что годится. Если принять во внимание состояние его эфирного тела, излишнее увлечение магией выйдет для мальчика боком.

— Справедливо, — хмыкнул маэстро Салазар и, вопреки своему обыкновению, не влил в себя все вино, а сделал лишь небольшой глоток.

— Вместе с тем он спас мне жизнь, — продолжила Адалинда, — и я обещала о нем позаботиться.

— Взять на службу и позаботиться — это несколько разные вещи, — отметил я.

— Не для меня! — отрезала маркиза. — У мальчика есть потенциал, и я не собираюсь гробить его в канцелярии!

Я выжидающе посмотрел на сеньору Белладонну.

— Какие тогда варианты?

— Вообще, — задумчиво произнесла Адалинда, — я намеревалась оплатить дальнейшее обучение в местном университете. Тут расчет простой: лицензиат тайных искусств будет куда полезней бакалавра.

— И что изменилось? — не слишком вежливо перебил маэстро Салазар маркизу.

Сеньора Белладонна взглянула на бретера с нескрываемой иронией и вдруг наставила указательный палец на меня.

— Филипп подал небезынтересную идею.

— В самом деле? — удивился я.

— Именно! — кивнула Адалинда. — Я без труда найму выпускника местного университета, возникни у меня вдруг такое желание, но Кальворт — это совсем другое дело. Я отправлю Уве в Кальворт, оплачу обучение и выделю достойную стипендию, а он после получения степени лицензиата отработает в Риерском отделении Вселенской комиссии... скажем... пять лет.

— Удивительно, что не требуешь в заклад душу, — проворчал Микаэль.

Сеньора Белладонна это высказывание проигнорировала и обратилась ко мне:

— Что скажешь, Филипп? Мальчику нужно дать раскрыть свой потенциал, ты согласен?

Отправка Уве в Кальворт была для маркизы беспроигрышным ходом, с какой стороны ни посмотри: так он и квалификацию улучшит, и лишнего о событиях в Уллимонтисе никому не сболтнет.

Я пожал плечами и предложил:

— Обсуди это с ним. Он достаточно взрослый, чтобы решать самому.

Ответом стал смех Адалинды и Микаэля. Те проявили удивительное единодушие, да оно и немудрено — Уве наверняка не станет принимать никаких решений, предварительно не посоветовавшись со мной, а мне и в голову не придет отговаривать его от продолжения обучения.

— Условия вполне разумные, — пожал я плечами. — Надо лишь согласовать конкретные сроки и суммы, но об этом переговори с Уве.

— Я в любом случае напишу гарантийное письмо по оплате обучения, — заявила Адалинда. — Я помню хорошее. А вот стипендию придется отработать. Легкие деньги возвращают.

— И всегда лучше знать, что кто-то ждет тебя и готов взять на работу, — добавил маэстро Салазар.

Я с удивлением уставился на Микаэля, тот взял со стола бутыл и принялся наполнять бокалы.

— Довольно! — отказался я. — Нам пора идти.

— И оставить недопитым этот чудесный нектар? — возмутился маэстро Салазар. — Да я не усну! Всю ночь буду ворочаться! Меня изжога замучает!

— Мик!

— Иди, Филипп! — отпустила меня сеньора Белладонна. — Не бойся, до смертоубийства не дойдет. Вино и в самом деле чудесное. Даже не знала, что у меня такое есть.

— Иди-иди! — поддакнул Микаэль. — Не хочешь расслабиться сам, не мешай другим.

Я смерил эту парочку долгим изучающим взглядом, затем пожал плечами и отправился восвояси. Хоть час и был поздний, Марта еще не легла. В одной ночной сорочке она сидела за туалетным столиком и буравила взглядом шкатулку апельсинового дерева. Я велел приказчику оружейного магазина отправить покупку в резиденцию цу Лидорф, но никаких дополнительных распоряжений насчет нее не оставил, вот девчонка и мучилась любопытством, неким женским чутьем угадав в непонятном предмете подарок. При этом проявила завидную выдержку и благоразумие и в шкатулку не полезла.

— Это тебе, — сказал я, начав раздеваться.

Марта немедленно откинула крючок и с интересом уставилась на лежавшие внутри заколки, нож и кинжал.

— Красивые... — сказала она некоторое время спустя и провела рукой по коротко обстриженным волосам.

— Ожидала чего-то другого? — с улыбкой поинтересовался я.

— Серьги, — с удивительной непосредственностью ответила ведьма. — Видел, какие прелестные серьги у Адалинды?

Она все же не удержалась и достала из шкатулки кинжальчик с изящным клинком, мозаичная сталь которого отливалась серебристыми и голубыми разводами.

— Он бы замечательно смотрелся с теми синими камушками.

Синими камушками были немалых размеров сапфиры, и в чем в чем, а в дурном вкусе Марту было никак не обвинить. Я не удержался и улыбнулся:

— Серьги купишь себе сама.

— На какие шиши? — фыркнула девчонка, отложив кинжал.

— Продадим коня и осла, — спокойно ответил я, забираясь под одеяло. — Зачем они тебе в Кальворте? Только лишние траты.

— Кальворт? — зацепилась Марта за незнакомое название.

— Университетский город. Я и сам там учился.

Девчонка наморщила лоб и спросила:

— Это далеко?

— Не слишком. В горах между Северными марками и Виттенем. Виттен — одна из западных земель империи. Выдвигаемся туда послезавтра. Точнее — в Ренмель.

— Почему именно туда? — удивилась Марта.

— Все дороги ведут в Ренмель. — Я похлопал по кровати рядом с собой. — Иди спать. Уже поздно.

Марта погасила лампу и юркнула под одеяло, но на этом не уgomонилась и с нескрываемой печалью уточнила:

— Опять мне придется изображать мальчика?

— Было бы странно, если бы мои слуги вдруг начали менять пол. Мартой станешь только в столице.

Ведьма хихикнула:

— Давай тогда напоследок пошумим! В дороге будет не до того.

«И не только в дороге», — мог бы отметить я, но не стал. Нашлось занятие поприятней, нежели портить нервы себе и другим.

В Риерское отделение Вселенской комиссии мы съехали только во второй половине следующего дня. И смысла торопить события не было ни малейшего, и сборы совершенно неожиданно оказались не столь уж и просты. Уве и Марта как-то

вдруг обросли за эту седмицу вещами, пришлось паковать их в мешки и навьючивать на осла.

— Адалинда слишком добра к этим оболтусам, — хмыкнул я, когда с приготовлениями к отъезду было наконец покончено.

— А ты еще его покупать не хотел! — усмехнулся Микаэль: Я хлопнул бретера по отозвавшемуся солидным звоном кошельку и спросил:

— Выкупишь?

Маэстро Салазар надменно фыркнул и покачал головой:

— Ослами не интересуюсь.

— Жаль, — вздохнул я совершенно искренне, поскольку обучение Марты и ее годовое содержание выбивало в моих финансах изрядных размеров брешь. Это все не смертельно, конечно, особенно если получится сгладить на службе все острые углы и вместо вызова на дисциплинарный совет получить причитающееся жалованье, но полсотни талеров сейчас бы вовсе не помешали. — Может, все же выкупишь? Цену скину, не сомневайся.

— Не надо было от доли в трофеях отказываться! — припомнил мне Микаэль и кивком указал куда-то за спину. — Идет.

Я обернулся и увидел вышедшую на задний двор Адалинду. Всю первую половину дня мы до хрипоты спорили с ней, согласовывая последние правки в отчет о проверке следственных действий, и все же наш отъезд маркиза не пропустила, как не позабыла и о просьбе обеспечить документами Марту. Шурша юбками строгого черного платья, сеньора Белладонна подошла, с усмешкой глянула в спину спешно отправившегося проверять лошадей Микаэля и протянула мне перетянутую тесемкой пачку бумаг.

— Подорожная уроженки города Риер фрейлейн Кюстер, семьсот пятьдесят восьмого года рождения.

— Благодарю, — улыбнулся я, принимая документы. — Твоя помощь, Адалинда, просто бесценна.

— Все в этом мире имеет свою цену, — цинично отметила маркиза, рукой в черной кружевной перчатке поправила шляпку и невесть с чего сказала: — Я попросила Уве присматривать за девочкой.

— Очень любезно с твоей стороны.

— Брось, Филипп! — отмахнулась сеньора Белладонна. — У меня в этом деле, уж прости за прямоту, имеется шкурный

интерес. Через год ты и думать забудешь о девочке, а я всегда буду рада принять ее на службу.

Ну еще бы! Заполучить истинного мага не откажется ни один магистр-управляющий, так что предусмотрительности Адалинды оставалось лишь позавидовать. Но — нет, не забуду. Такая... девица нужна самому.

Я покачал головой, и маркиза улыбнулась.

— Мне ли не знать, сколь непостоянна мужская натура? — сказала она и, понизив голос, добавила: — И потом, Филипп, вовсе не факт, что ты этот год переживешь. С твоим-то везением! Ты ввязался в опасную игру и...

— Что — и? — поторопил я замолчавшую на полуслове собеседницу. — Говори, раз уж начала.

— Твои способности противоестественны, — не стала отмахиваться сеньора Белладонна. — На мой счет можешь не волноваться, мне до этого дела нет. Но повторюсь — эфирное тело не червяк, душу невозможно рассечь на две полноценные части. С тобой что-то не так, Филипп. Очень-очень сильно не так. И не имеет значения, был ты со мной полностью откровенен или выдумал все от начала и до конца. Понимаешь, о чем я?

Святые небеса, кому понять, как не мне?! Адалинда прямо намекала на мою связь с запредельем! В историю с рассечением эфирного тела она не поверила, и, надо сказать, эта ее убежденность в невозможности подобного развития событий меня откровенно беспокоила. Я всегда смотрел на ситуацию под одним-единственным углом зрения, но сейчас лишь с немалым трудом отогнал совершенно неуместные сомнения в собственной правоте.

«Вздор! — мог бы воскликнуть я. — Со мной все в порядке!»

Мог бы — но не стал, лишь молча кивнул, чем заслужил благосклонную улыбку Адалинды.

— Береги себя, — попросила она и направилась к стоявшему в дверях конюшни Микаэлю.

Долго разговор этой парочки не продлился, они перекинулись буквально парой фраз, а потом маркиза помахала нам на прощанье и ушла в дом. И тут же ко мне подступил Уве, которого неожиданное известие о грядущем обучении в Кальворте поразило до глубины души. Все утро школяр в необычайной задумчивости слонялся по особняку, но было видно, что очередной выверт судьбы скорее порадовал его, нежели вогнал в уныние.

— Чего тебе, Уве? — поинтересовался я у переминавшегося с ноги на ногу школяра, который никак не мог собраться с решимостью меня о чем-то попросить.

— Мой жезл, магистр... — произнес он, нервно покручивая на пальце новенький серебряный перстень ассистента магистра-управляющего. — Верните, пожалуйста...

Вид школяр при этом имел донельзя смущенный, но мне и в голову не пришло пытаться его отговорить. Я расстегнул сак-вояж и протянул пареньку волшебную палочку, правда, не преминул при этом предупредить:

— Уве, ты теперь сам себе хозяин, своя голова на плечах. Просто учти, что, когда в следующий раз надорвешься, тебя могут уже и не откачать.

— Учту, магистр, — с достоинством ответил школяр, принял жезл и тут же глухо забухал, пытаясь совладать с приступом кашля.

Микаэль сочувственно похлопал паренька по спине, а я окликнул ведьму:

— Марта! Что с лечебными травами? Надо пополнить запасы?

— На пару седмиц хватит, — покачала ведьма головой.

Маэстро Салазар смерил уже переодевшуюся в мужское платье девчонку придирчивым взглядом и вздохнул.

— Не Марта, а Мартин! — укорил он меня. — И, Филипп, тебе не кажется, что ее пора сажать на диету?

— Куда-куда меня надо посадить? — насторожилась ведьма.

Уве фыркнул, подавившись смешком.

— Что еще? — возмутилась девчонка. — Что я смешного сказала?

— В переводе со староимперского слово «диета» означает «режим питания», — пояснил я Марте. — Маэстро намекает, что ты слишком много кушаешь в последние дни.

— И ничего я не намекаю, я прямо говорю, как есть! — заявил Микаэль.

Ведьма сверкнула льдисто-серыми глазами и зло спросила:

— Тебе жалко, что ли?

— Да ни в жизни! — улыбнулся бретер. — Но Адалинда откормила тебя до такой степени, что на мальчика ты уже как-то и непохожа.

Уве прекратил давиться смехом и расхохотался в голос, а маэстро Салазар потрепал девчонку по щеке. Та вспыхнула,

откинула его руку в сторону и ушла, но перед тем с обидой посмотрела на меня.

— Микаэль, ты к ней несправедлив, — укорил я подручно-го. — За последние дни она, конечно, немного... округлилась и прибавила в весе, но дело не столько в питании, сколько в эфирном теле. Когда я встретил Марту, оно больше напоминало лохмотья, а сейчас восстановилось и перестало иссушать плоть.

Маэстро Салазар кивнул и вдруг отвесил Уве затрещину.

— Чего ржешь как сивый мерин? Мотай на ус! Если не приведешь в порядок энергетические узлы, ничем хорошим для тебя это не закончится.

Школяр потер затылок и обиженно засопел, но дерзить бретеру не решился; Микаэля он откровенно побаивался.

— Учту, — пробурчал Уве.

— Учти-учти! — кивнул маэстро Салазар и вдруг послал воздушный поцелуй кому-то за нашими спинами.

Я оглянулся и увидел в одном из окон сеньору Белладонну, она погрозила Микаэлю пальцем и скрылась из вида.

— Ну кто бы мог подумать! — озадаченно протянул я.

— Что тебя смущает, Филипп? — с нескрываемой ехидцей поинтересовался маэстро Салазар.

— Смущает меня, дружище, твоя расположенность к ее светлости. Не замечал за тобой прежде подобного всепрощения.

— Всепрощение? Фью! — присвистнул бретер. — Не забывай себе голову такой ерундой, Филипп. Я поквитался с Адалиндой за бывшее, только и всего. — Он подкрутил ус и с некоторой даже гордостью добавил: — Дважды.

— Что — дважды? — не понял Уве.

— Дважды поквитался, — пояснил маэстро Салазар. — Или думаешь, я на такое уже не способен? В старики меня записал?

Школяр покраснел.

— Как можно?! Что вы за человек такой? Ее светлость в трауре! Она... она столько сделала для нас! А вы... говорите такое!

— Траур? Ну не знаю, не знаю. Панталоны на Адалинде были отнюдь не черные, — добил паренька Микаэль.

Уве развернулся и порывисто зашагал прочь, тогда бретер обратился ко мне:

— Ох уж этот юношеский максимализм!

Я махнул рукой:

— Жги, Микаэль. Не сдерживай себя!

— В смысле? — Маэстро Салазар склонил голову набок. — О чем ты, Филипп?

— Сначала ты до крайности раздраконил Марту, затем плюнул в душу Уве. Теперь, надо понимать, пришла моя очередь. Разве нет?

Микаэль лишь фыркнул и без запинки выдал:

Правдоруба горек хлеб, се пропащий человек,
Простецам и даже графам он не сдался и вовек!
Вот лъстецы и лизоблюды — те везде в большой цене,
Хоть в таверне захудалой, хоть при княжеском дворе!

Я испустил страдальческий вздох:

— Есть разница между «открыть человеку глаза» и «плюнуть ядом». И потом — чего ты напустился на Уве?

Бретер подступил ко мне и постучал пальцем по груди.

— Юношеский максимализм! — со значением произнес он. — У нашего юного друга слишком восторженный образ мысли и слабость к зрелым женщинам в теле. Видел бы ты фру Эмму из Регенмара!

Я страдальчески поморщился:

— И что в этом плохого?

— Плохо, что в этом конкретном случае Уве принимает хорошее отношение за расположение иного рода. Понимаешь, о чем я?

— Ты сгущаешь краски!

— Пусть так, зато теперь он точно не наговорит маркизе наивных и нелепых благоглупостей вроде признаний в искренней и вечной любви, — продолжил настаивать на своем Микаэль.

Я с интересом присмотрелся к подручному. Тот все понял верно.

— Гадаешь, не придумал ли я все? — ухмыльнулся он и оттянул ворот сорочки, демонстрируя припухший след от укуса. Полукружье оставленных зубами синих отметин прерывалось парой красных ссадин, где кожу проткнули клыки. — Если Адалинда и змея, то определенно не ядовитая, — подытожил маэстро Салазар.

Я никак комментировать его высказывание не стал.

Резиденцию рода цу Лидорф мы покинули в напряженном молчании, но отнюдь не в тишине. Цокали по брусчатке подковы коней, шмыгала носом Марта, злобно сопел нахохлив-

шийся Уве, беззаботно насвистывал под нос Микаэль. Я постукивал пальцами по луке седла и мысленно выстраивал в голове маршрут. Риерское отделение Вселенской комиссии по этике было конечной точкой пути, но до прибытия туда требовалось посетить представительство ордена Ангельской милости. Братья-ангелисты помимо множества благочестивых дел занимались еще и проведением расчетов при разного рода сделках, а их долговые расписки полагались ничуть не менее надежными, нежели векселя крупнейших банкирских домов.

Уве и Микаэля я оставил во внутреннем дворе представительства ордена, а Марту потянул за собой, чем ту немало удивил.

— Зачем мы здесь, Филипп? — насторожилась ведьма, с которой даже опаской посматривая на посетителей и монахов.

— С тебя станется сцепиться с Микаэлем, а это не то место, где стоит устраивать скандал.

Марта в ответ на мои слова раздраженно фыркнула, но все же переборола возмущение и промолчала. Меня подобная выдержка только порадовала.

В представительстве ордена мы в итоге пробыли немногим более часа. Помимо направления Марты Кюстер на факультет тайных искусств Кальвортского университета я оформил поручение на оплату первого года обучения, да еще попросил составить долговое письмо, поскольку вручать девчонке кошелек с золотом представлялось мне идеей в высшей степени сомнительной. А так при необходимости она всегда сможет получить оговоренную сумму в представительстве ордена.

Участие в судьбе Марты обошлось в пять дюжин дукатов, и не могу сказать, что этих денег было совсем уж не жаль, но я решил думать о тратах, как о вложениях в будущее. Обязанный тебе истинный маг — это хорошо, но несравненно лучше, если тебе обязан истинный маг с университетским образованием.

— Как продашь коня и осла, деньги при себе не держи, — предупредил я Марту, вручая ей полный комплект бумаг. — Переведи в долговые бумаги ордена или какого-нибудь банкирского дома.

— Это же куча золота! — опешила девчонка.

— Ты того стоишь, — уверил я ведьму, потрепал ее по щеке и позвал: — Идем! И не вздумай распустить нюни! Ты сейчас Мартин — не забывай! — а мальчики не плачут.

— Все плачут, надо только побольнее ударить, — уверила меня Марта, несколько раз моргнула и отвернулась. — Да не плачу я, ресница в глаз попала! И такие траты... Я в жизни их не отработаю!

— Еще как отработаешь! — усмехнулся я, вышел во двор и нахмурился.

Рядом с нашими конями нервно прохаживался насупившийся школяр, а вот маэстро Салазара видно не было.

Я спустился с крыльца и негромко спросил:

— Уве, где Микаэль?

Паренька явно так и подмывало ответить какой-нибудь дерзостью, вроде «я ему не сторож», но вместо этого он молча указал на выезд со двора. Я решил было, что маэстро Салазар по своему обыкновению отправился промочить горло в один из окрестных кабачков, но тут же заметил фигуру бретера. Тот расположился в арке так, чтобы его не было видно с улицы, и внимательно наблюдал за прохожими.

Я подошел и спросил:

— Что-то случилось?

— Не высовывайся! — потребовал Микаэль и потянул меня обратно к коновязи. — За нами хвост. Засветились мы вчера.

Святые небеса! Только этого еще не хватало!

Я зябко поежился и уточнил:

— Уверен?

— Одного субчика еще по дороге сюда заметил. Сейчас выглянул — стоит, ждет.

— Что будем делать?

— Вы езжайте. Я следом.

— Обойдись по возможности без поножовщины, — попросил я, забираясь в седло, а когда на меня выжидающе уставились Уве и Марта, отмахнулся: — Пустяки! Микаэль обо всем позаботится и нагонит нас позже.

Бретер с довольным видом покрутил ус и предупредил:

— Встретимся в отделении.

— Подождите! — всполошился Уве. — О чем именно он позаботится? Точнее — о ком?

— Понятия не имею, — пожал плечами маэстро Салазар, — и тебя это волновать тоже не должно. За нами следят, от хвоста надо избавиться. Точка. Езжайте уже!

— Ни пуха! — отсалютовал я на прощанье и поправил рукоять заткнутого за оружейный ремень пистоля.

Скорее всего, за нами увязался именно соглядатай, а не убийца, но целиком и полностью полагаться на это предположение было по меньшей мере неосмотрительно. Микаэль заметил одного преследователя, да только его товарищи могли следовать за нами в некотором отдалении.

СОДЕРЖАНИЕ

Часть первая. ВСЕ ДОРОГИ ВЕДУТ В...	5
Часть вторая. РЕНМЕЛЬ	97
<i>Эпilog</i>	307